УДК 82

К ВОПРОСУ О ПРОТОТИПАХ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ЛИРИКЕ И ПРОЗЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Бурцева Е.А.

Бирский филиал ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Бирск, e-mail: academy@birsk.ru

В статье анализируются гипотезы, выдвинутые современным лермонтоведением, связанные с вопросом о возможных прототипах женских образов в лирике и прозе великого русского поэта первой половины XIX века Михаила Юрьевича Лермонтова. Автор исследования, опираясь на документальные источники мемуарного и эпистолярного характера, убедительно доказывает, что стихотворение поэта «Валерик», которое в лермонтоведении адресуется лишь условно, написано Лермонтовым в память о его взаимоотношениях с Варварой Александровной Лопухиной. Об этом свидетельствует проведенный автором статьи сравнительно-сопоставительный анализ текста с этапами взаимоотношений поэта с Лопухиной. Текстологический анализ описания героини незаконченного романа Лермонтова «Штосс» и анализ мемуарных источников, позволяет автору статьи подтвердить версию о том, что прототипом Минской, героини «Штосса», была Александра Осиповна Смирнова-Россети, петербургская знакомая поэта того времени, когда он работал над этим произведением.

Ключевые слова: образ, лирическая героиня, стихотворение, роман, строфа

ON THE QUESTION OF WOMEN&ACUTE;S IMAGES IN PROTATIPAH LYRICS AND PROSE LERMONTOV

Burtseva E.A.

Birsk branch of Bashkir State University, Birsk, e-mail: academy@birsk.ru

The article deals with hypotheses put forward by modern study of Lermontov´s life and works related to the question of possible prototypes of female images in the lyrics and prose of Mikhail Yuryevich Lermontov, a great Russian poet of the first half of the XIX century. The author of the study, relying on documentary sources of autobiographical and epistolary character, demonstrates convincingly that the poem «Valerik», which is addressedconventionally in the study of Lermontov´s life and works, is written by Lermontov in memory of his relationship with Varvara Alexandrovna Lopukhina. It is proved by a comparative analysis of the text with stages of the poet and Lopukhina's relationship conducted by the author. A textual analysis of the heroine´s description in an unfinished novel «Stoss» by Lermontov and an analysis of autobiographical sources, allows the author to confirm the version that the prototype of Minskaya, the heroine of «Stoss» was Alexandra Osipovna Smirnova-Rossette, the poet's acquaintance from Petersburg in the time when he was working on this literary work.

Keywords: image, lyrical heroine, poem, novel, stanza

Лермонтоведы давно уже пришли к выводу о том, что творчество великого русского поэта М.Ю. Лермонтова необыкновенно автобиографично. С юных лет Лермонтов, обладающий цепкой памятью, необыкновенным умом и одаренный даром художника, не просто проживал жизнь, он еще и наблюдал, умея жизненный материал трансформировать в художественный. Так, реальные знакомые Лермонтова порой становились прототипами героев его произведений. Наиболее известными прототипами женских образов в лирике и прозе Лермонтова были В.А. Лопухина и А.О. Смирнова-Россети.

Биографам М.Ю. Лермонтова давно известно, что с Варварой Александровной Лопухиной его связывало сильное чувство, которое он пронес через всю свою недолгую жизнь. Но какие именно поэтические и прозаические тексты можно связать с именем Лопухиной? На этот вопрос у исследователей нет однозначного ответа. Постараемся в рамках небольшой статьи высветить некоторые аспекты этой проблемы.

В комментарии к стихотворению «Ребенку» отмечается, что с датировкой этого текста не все так просто. Хотя поэт поместил его в свой единственный авторский прижизненный сборник, вышедший в 1840 году и датировал этим годом, существует автограф этого стихотворения, на котором не лермонтовской рукой указана другая дата – 1838 год. Следовательно, мы имели право предположить, что стихотворение могло быть создано раньше 1840 года. Адресат стихотворения не установлен. Имеет смысл предположить, что только потому, что сам автор и не желал, чтобы адресат был известен. Интересен и многоречив факт двойной публикации стихотворения – сначала в журнале «Отечественные записки» все в том же 1840 году, затем в своем сборнике стихотворений. В этот сборник поэт, автор к тому

времени более 350 поэтических текстов, включил меньше 30, причем наряду с такими, как «Бородино», «Песня про царя Ивана Васильевича…», поэмой «Мцыри», т.е. произведениями программными, общественного характера, он поместил и очень личные стихи и среди них – «Ребенку». Значит, это стихотворение было ему чем-то очень дорого и много значило в личном плане. Существует гипотеза о том, что стихотворение было написано после встречи Лермонтова с дочерью Вареньки Лопухиной. В книге П. Висковатова, одного из первых биографов поэта, приводится воспоминание Акима Шан-Гирея, родственника и друга Лермонтова, который больше других знал о его личной жизни: «Раз только Лермонтов имел случай в третьем месте увидеть дочь Варвары Александровны. Он долго ласкал ребенка, потом горько заплакал и вышел в другую комнату. Его, очевидно, мучало раскаянье за те горести, которые он причинил матери из-за своего невоздержанного языка, из-за желания в сочинениях своих язвить Бахметева. Видеть страдающую, любимую женщину ему было заказано. Старые годы счастья и надежд, потом годы черствого отношения к дорогому существу, а затем годы печали и безнадежной привязанности вставали перед ним. Все это выражено в прекрасном стихотворении «Ребенку» [4]. До нас не дошло никаких документальных подтверждений этому, кроме друга больше никто о любви поэта к Лопухиной никто не вспоминал, поэтому такая точка зрения в лермонтоведении существует только как гипотеза. Но нельзя не отметить, как тонко Шан-Гереем подмечено то, что Лермонтов любит в ребенке некогда любимую. Образ ребенка в стихотворении условен, не понятно, мальчик это или девочка. Не понятно потому, что это совершенно неважно, важно только то, что это ребенок когда-то горячо любимой женщины.

Интересно с точки зрения адресата и стихотворение «Валерик». П. Висковатов был абсолютно убежден в том, что его адресат – В.А. Лопухина. Но в комментариях до последнего времени указывается, что адресат стихотворения не установлен. Почему исследователи не поверили Висковатому? Потому что он был склонен чуть ли не в каждом любовном стихотворении Лермонтова видеть образ Вареньки, тогда как последние изыскания (а биография Висковатова увидела свет в 1891 году) показали, что у поэта были и другие увлечения, и другие адресаты любовных посланий. Но тем не менее внимательное прочтение этого поэтического текста, сопоставление «лирического сюжета» с фактами биографии поэта, на наш взгляд, могут приоткрыть занавес тайны и позволят сделать некоторые предположения. Вторая и третья строфы стихотворения важны для восстановления истории взаимоотношений лирического героя и лирической героини:

… Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет…

«Столько лет» – явно, что с женщиной, о которой думал поэт в момент создания этого стихотворения, он знаком много лет. Прямо не называя свое чувство любовью, несколько небрежно (и как чувствуется в этой показной небрежности стремление и спрятать, и все же показать истину своего отношения!) лирический герой говорит о том, что:

Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на срок;
Но я вас помню – да и точно,
Я вас никак забыть не мог!
Почему?
Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил…

В какие рамки укладывается это «долго, долго»? Не будем выдумывать, важно, что лирический герой «любил», но любовь сменилась «страданьем», затем «раскаяньем»:

Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет…

Если только «раскаянье» длилось «цепь тяжелых лет», то какой же период в жизни лирического героя занимает вся эта история любви? И опять лирический герой ничего не говорит о своей любви, пряча ее за показной небрежностью:

С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум младых проказ,
Любовь, поэзию, – но вас
Забыть мне было невозможно.

В заключительной части стихотворения, в котором поэт вновь обращается к своему далекому адресату, в сравнении с первой частью, обращение меняется. Теплота звучит только в самых последних строках.

Можно было бы не связывать это стихотворение с В.А. Лопухиной, но вот что интересно: «схема» взаимоотношений лирических героев стихотворения очень напоминает историю взаимоотношений Лермонтова и Вареньки.

Они познакомились в Москве около 1830 года, Лермонтову – 16, Вареньке –

15 лет. Варенька Лопухина была младшей сестрой московского друга Лермонтова – Алексея Лопухина, и они часто встречались в доме Лопухиных. Кроме того, Лермонтов дружил с еще одной сестрой Алексея – Марией, с которой будет состоять в переписке на протяжении нескольких лет (последнее дошедшее до нас письмо Марии датировано концом 1838 г., а Алексею – 1840 г.). Почему он будет писать Марии, а не Вареньке? Мария была самой старшей из Лопухиных (1802 года рождения), она была горбата, и поэтому они с Лермонтовым могли совершенно свободно дружить, не компрометируя друг друга. Между ними установились то доверительные отношения, которые не омрачались подозрениями в любви. Именно Марии Лопухиной Лермонтов писал самые откровенные письма о своей петербургской жизни, конечно же, рассчитывая на то, что та не читает их в одиночестве. От нее Лермонтов ожидал известий об интересующей его Вареньке, о чем свидетельствует, например, такой диалог в письмах: 2 сентября 1832 года Лермонтов написал Марии Лопухиной: «Мне бы хотелось задать вам один небольшой вопрос, но перо отказывается его написать. Если угадаете – хорошо, я буду рад; если нет – значит, задай я этот вопрос, вы все равно не сумели бы на него ответить. Это такого рода вопрос, какой, может быть, вам и в голову не приходит!» [1], на что Мария Лопухина в письме от 12 октября 1832 года ответила: «Поверьте мне, что я не потеряла способности угадывать ваши мысли, но что вы хотите, чтоб я вам сказала? Она здорова, по-видимому довольно весела, вообще ее жизнь такая однообразная, что даже нечего о ней сказать, сегодня как вчера. Я думаю, что вы не очень огорчитесь, узнав, что она ведет такой образ жизни, потому что он охраняет ее от всяких испытаний; но с своей стороны я бы желала для нее немного разнообразия, потому что, что за жизнь для молодой особы, склоняющейся из одной комнаты в другую, к чему приведет ее такая жизнь? – сделается ничтожным созданием, вот и все. Ну что же? Угадала я вас? То ли это удовольствие, которое вы от меня ожидали?» [6]. Впоследствии Мария Лопухина уничтожила все письма поэта, в которых он прямо или косвенно упоминал ее сестру Вареньку, да и по тону процитированного фрагмента ясно, что Лермонтов напрасно желал видеть в Марии наперсницу своей любви. Видимо, к увлечению поэта сестрой Мария относилась скептически, не понимая, что такого он нашел в ее младшей сестре, которая вот-вот превратится в «ничтожное создание». Чувства влюбленных она не щадила, но,тем не менее Лермонтов продолжал писать ей длинные письма, часто со стихами и продолжал называть ее «милый, дорогой друг».

Свидетельств отношений поэта и Вареньки того времени, когда они жили в Москве, мы не имеем. Летом 1832 года Лермонтов вместе с бабушкой переехал в Санкт-Перербург. Сначала юнкерская школа, затем свободная светская жизнь, вполне возможно, вытеснили из сердца образ Вареньки, хотя, как свидетельствует переписка, не совсем. Так или иначе, но Варвара Лопухина в 1835 году вышла замуж за человека богатого и немолодого. И наступило для Лермонтова время «страданий» и «тревог» – он вдруг понял, как Варенька была ему дорога. И обиделся на ее «измену». Вареньку Лермонтов тех лет изобразил в многих своих произведениях. Самый памятный литературный образ Вареньки, созданный Лермонтовым, – это Вера из романа «Герой нашего времени» – родинка на щеке героини никого из знакомых не могла обмануть: у Вареньки Лопухиной была родинка над бровью. Все эти «узнавания» усложнили ее жизнь – муж страшно ревновал, она даже была вынуждена передать письма и рисунки поэта, которые он ей дарил, на хранение своей родственнице А.М. Верещагиной (которая покинула Россию, выйдя замуж за барона фон Хюгеля, вместе с бесценными лермонтовскими автографами, поэтому до сих пор часть его рукописей хранится в частных архивах Англии и США – какие еще открытия нас ждут?). Но пришло время и «раскаянья». Последний раз они виделись в 1838 году, когда Варенька вместе с мужем отправлялась в Германию, тогда поэт подарил ей свой автопортрет. Кроме того, в разные годы жизни Лермонтов нарисовал два портрета самой Вареньки. Не правда ли, никакая другая женщина не могла похвастаться таким вниманием со стороны поэта?

На протяжении почти десяти лет (с 1829 по 1838 гг.) Лермонтов работал над поэмой «Демон», одним из главных произведений своей жизни. И она напрямую связана с Варенькой. Во-первых, потому что в ранних редакциях героиней поэмы была монахиня, и Лермонтов в этом образе нарисовал акварельный портрет В. Лопухиной. Во-вторых, одну из последних редакций «Демона», помеченную 8 сентября 1838 года, Лермонтов отправил Вареньке с адресованным ей посвящением.

Утро перед своей смертельной дуэлью с Мартыновым, 15 июля 1841 года, Лермонтов провел со своей дальней родственницей Екатериной Быховец, проводившей лето в Пятигорске. Через три недели после смерти поэта она написала письмо, в котором рассказала о своих встречах с поэтом

в последний месяц его жизни, в том числе и о том, о чем они много раз говорили: «…он был страстно влюблен в В.А. Бахметьеву… я думаю, он и меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был» [2]. Получается, что Вареньку Лопухину, ставшую Варварой Александровной Бахметьевой, Лермонтов так и не смог забыть.

Интересен и вопрос, связанный с прототипами незаконченной повети Лермонтова «Штосс».

Женские образы в этом произведении можно разделить на две группы: первую составляют Минская, женщина из плоти и крови; вторую – женщина-Ангел с незаконченного портрета Лугина и женщина-видение.

То, что прототипом Минской является Александра Осиповна Смирнова-Россети, знали еще современники поэта. Минскую Лермонтов изобразил похоже, но эта похожесть не только внешняя, но и внутренняя (из дневниковой записи А.С. Пушкина от апреля 1834 г.: «Одна Смирнова попрежнему мила и холодна к окружающей суете» [3]): «Одна молодая женщина зевнула, встала и вышла в соседнюю комнату, на это время опустевшую. На ней было черное платье, кажется, по случаю придворного траура. На плече, пришпиленный к голубому банту, сверкал бриллиантовый вензель; она была среднего роста, стройна, медлительна и ленива в своих движениях; черные, длинные, чудесные волосы оттеняли ее еще молодое, правильное, но бледное лицо, и на этом лице сияла печать мысли» [7].

Очень примечателен диалог героев, в котором обращает на себя внимание то, что на первой странице текста Минская два раза «зевнула», более того, «холодное молчание Лугина показало ясно, что он не принадлежал к числу ее обожателей», и далее Лермонтов демонстрирует тонкое знание женской психологии: «Во взгляде, который сопровождал это слово, выражалось что-то похожее на следующее: «мне бы хотелось его немножко помучить». Трудно представить, что женщина-ангел или женщина-видение – зевает. Но это очень похоже на поведение самой Смирновой-Россети, судя по ее мемуарам, она позволяла себе вольности и посерьезнее зевков в небольшом кругу близких знакомых [5]. В вышеприведенном диалоге очень важной кажется фраза «про себя» («мне бы хотелось его немножко помучить»). Нет ли тут намека Лермонтова самой Смирновой-Россети на то, что он разгадал причину ее кокетливого внимания к себе и, разгадав, остался неуязвим? Поэт, по воспоминанию Е. Ростопчиной, устроил публичное чтение этой повести весной 1841 года. На страницах своего произведения он изображает Минскую узнаваемой и сообщает ей и другим: «Он бывал часто у Минской: ее красота, редкий ум, оригинальный взгляд на вещи должны были произвести впечатление на человека с умом и воображением. Но любви между ними не было». Может быть, поэтому Смирнова-Россети, привыкшая к тому, что о ней слагают восторженные стихи, так холодно упоминает в своих мемуарах о Лермонтове? Нет ли тут уязвленной гордости признанной красавицы, чарам которой не поддался этот мальчик, о котором она бросила небрежную фразу, несколько смягчив ее в самом конце: «Он гусарский офицер, выражение его лица очень грустное, а вместе с тем он ведет рассеянную жизнь. У него религиозная струна очень поразительна» [8].

Два неземных существа в повести появляются не сразу. Первый только в 3-й части. Это «эскиз женской головки» с незаконченного портрета Лугина. Вот так описывает его Лермонтов: «То не был портрет; может быть, подобно молодым поэтам, вздыхающим по небывалой красавице, он старался осуществить на холсте свой идеал – женщину-ангела…». Не хотелось бы фантазировать о том, кто был прототипом женщины-ангела. Любая версия будет бездоказательной. С большим успехом можно поразмышлять о том, почему прототипом женщины-ангела не может быть Смирнова-Россети. Лермонтов был прекрасным художником. Он на профессиональном уровне создавал как графические рисунки, так и живописные полотна. Давно замечено, что и в поэзии, и в прозе Лермонтов проявил себя не просто как мастер слова, но и цвета, и звука. Как истинный живописатель, Лермонтов в прозе играет с цветом: он противопоставляет два цвета – белый и черный. Смирнову-Россети в образе Минской он рисует в черном платье, черноволосой. В жизни Смирнова-Россети была смуглой, черноокой (в 1828 г. П.А. Вяземский посвятил ей стихотворение «Черные очи», а А.С. Пушкин вообще назвал ее глаза «черкесскими» в стихотворении 1828 г. «Ее глаза»). Тот же П.А. Вяземский, создавая литературный портрет Смирновой-Россети, писал: «Жуковский, который часто любил облекать поэтическую мысль выражением шуточным и удачно-пошлым, прозвал ее небесным дьяволенком…» [9]. Конечно, это выражение В.А. Жуковского не доказывает, что Смирнову-Россети нельзя назвать ангелом, но оно передает общее впечатление и от ее внешности, и от ее характера, все же совсем не ангельских. На холсте Лугина образ идеала-женщины-Ангела

возникает в окружении «зелено-коричневой» грунтовки, она «замарана коричневой каской». А какие краски подбирает Лугин, чтобы изобразить свой идеал? Обратимся к тексту, ведь портрет словно оживает в образе женщины-видения: «То было чудное божественное видение: склоняясь над его плечом, сияла женская головка; ее уста умоляли, в ее глазах была тоска невыразимая… она отделялась на темных стенах комнаты, как утренняя звезда на туманном востоке. Никогда жизнь не производила ничего столь воздушно неземного, никогда смерть не уносила из мира ничего столько полного пламенной жизни: то не было существо земное – то были краски и свет вместо форм и тела, теплое дыхание вместо крови, мысль вместо чувства; то не был также пустой и ложный призрак… потому что в неясных чертах дышала страсть бурная и жадная, желание, грусть, любовь, страх, надежда, – то была одна из тех чудных красавиц, которых рисует нам молодое воображение, перед которыми в волнении пламенных грез стоим на коленях и плачем, и молим, и радуемся Бог знает чему, – одно их тех божественных созданий молодой души...». Выделим: «она отделялась на темных стенах комнаты, как утренняя звезда на туманном востоке». Цвет видения – голубой и белый (цвета утра). На фоне «темных стен», как на портрете «зелено-коричневая» грунтовка. Образы идеала-женщины-Ангела и женщины-видения слились воедино. В чем смысл этого слияния? Может быть, в том, что творческая душа не находит свой идеал в реальной жизни (реальные женщины зевают и скучают и смотрят почти равнодушно), а встречают его в другом мире. И волшебное видение оказывается полным жизни, в отличие от земных красавиц («на него смотрели эти страстные, глубокие глаза»).

Был ли у этого идеала-женщины-Ангела реальный прототип? Можно предположить, что был, ведь написал же Лермонтов в 1832 году строки:

Послушай, быть может, когда мы покинем
Навек этот мир, где душою так стынем,
Быть может, в стране, где не знают обману,
Ты Ангелом будешь, я демоном стану!
Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежнего друга все счастие рая!
Пусть мрачный изгнанник, судьбой осужденный,
Тебе станет раем, а ты мне – вселенной!

Но кто она – это навсегда останется тайной поэта.

Список литературы

1. Быховец Е.Г. Из письма, 5 августа 1841 г. Пятигорск // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 447.

2. Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество. – М.: Современник, 1987. – С. 262 .

3. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. – Л.: Наука, 1981. – Т.4.

4. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. – Л.: Наука, 1981. – Т.4. – С. 373 .

5. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. – Л.: Наука, 1981. – Т.4. – С. 524 .

6. Например, см.: Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. – М.: Наука, 1989. – С. 299.

7. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 5 т. – СПб.: Библиополис, 1994. – Т. 5. – С.68 .

8. Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. – М.: Наука, 1989. – С. 292.

9. Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. – М.: Наука, 1989. – С. 589.

References

1. Byhovec E.G. Iz pis'ma, 5 avgusta 1841 g. Pjatigorsk // M.Ju. Lermontov v vospominanijah sovremennikov. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1989. pp. 447.

2. Viskovatov P.A. Mihail Jur'evich Lermontov: Zhizn' i tvorchestvo. M.: Sovremennik, 1987. pp. 262.

3. Lermontov M.Ju. Sobr. soch.: V 4 t. L.: Nauka, 1981. T.4.

4. Lermontov M.Ju. Sobr. soch.: V 4 t. L.: Nauka, 1981. T.4. pp. 373 .

5. Lermontov M.Ju. Sobr. soch.: V 4 t. L.: Nauka, 1981. T.4. pp. 524 .

6. Naprimer, sm.: Smirnova-Rosset A.O. Dnevnik. Vospominanija. M.: Nauka, 1989. pp. 299.

7. Pushkin A.S. Sobr. soch.: V 5 t. SPb.: Bibliopolis, 1994. T. 5. pp. 68.

8. Smirnova-Rosset A.O. Dnevnik. Vospominanija. M.: Nauka, 1989. pp. 292.

9. Smirnova-Rosset A.O. Dnevnik. Vospominanija. M.: Nauka, 1989. pp. 589.

Рецензенты:

Петишева В.А., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии и межкультурных коммуникаций, БФ БашГУ, г. Бирск;

Карамова А.А., д.фил.н., профессор, БФ БашГУ, г. Бирск.

Работа поступила в редакцию 01.04.2015.